

Игорь Денисенко

ПРОЕКТ ПОВЕЛИТЕЛЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Д33

Серия «Граница»
Художник: *Гурков В. В.*
Серийное оформление *Юлии Межовой*

Денисенко, Игорь
Д33 Проект Повелитель / Игорь Денисенко.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 318 с.— (Граница).

ISBN 978-5-17-094237-4

Апокалипсис случился. Остатки человечества выживают как могут в мире мутантов. Объединяются в банды, охотятся на чудовищ и друг на друга. Главный герой — прыгун по кличке Толстый. Прыгун — это специализация, очень полезная для выживания в постапокалиптическом городе. Толстый — не член банды. Он — одиночка. Зато у него есть друзья. И цель. А еще в городе есть институт, из которого, по слухам, и вышло все это безобразие и попасть в который невозможно. Но придется.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 26.10.15.
Формат 84 x 108^{1/32} Усл. печ. л. 16,8.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Игорь Денисенко, текст, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Раскачался, оттолкнулся от лестницы и прыгнул, уцепившись за какую-то скобу. То ли второй этаж, то ли третий? Не помню. Что это за здание когда-то было, не определить: то ли торговый центр, то ли какой цех или даже завод. А сейчас это просто бетонные стены со ржавой арматурой.

Я прыгун по кличке Толстый. Прыгун — это не профессия, это способ выживания, хочешь выжить — научись прыгать далеко и лазить высоко. Тот, кто ходит по земле, долго не живет. Вообще не живет. Нехорошо сейчас на земле. Вот я и прыгаю, толкаюсь ногами, раскачиваюсь на руках и перелетаю от стены к стене, цепляюсь за что придется: за разные скобы, просто выпуклости, куски арматуры, торчащие из стен, за кабели и тросы лифтов. Могу на одних руках подняться по тросу от подвала до крыши, поэтому руки у меня о-го-го, толщиной как ноги, поэтому и погоняло мне дали — Толстый. Хотя на самом деле я не толстый, а мясистый, это и хорошо и плохо одновременно.

Очень долго висеть на скобе я не смогу, хотя усталости пока не чувствую. Сколько прошло? Пять минут?

Удержаться на этой скобе я мог бы еще часа два, но меня беспокоит, что погоня идет по следам, и нет никакой гарантии, что меня не учуют. И тогда соберутся кучкой и будут ждать, сидя на земле, высунув языки, час, два, три, пока я не созрею и не сваюсь от усталости, как спелое яблоко, им на ужин.

Хорошо было легендарному Мухе, он, по рассказам, был худ невероятно и мог вот так запросто засунуть согнутую руку или ногу на излом в скобу и проспять пару суток, как летучая мышь, башкой вниз, ни один зверь столько ждать

не будет. Разойдутся все несолоно хлебавши. Брешут, конечно. Мне один знаток говорил, сколько б человек ни весил, но кость на излом не выдержит, сломается, да и больно это очень. Я сам как-то раз проверял, когда сил держатся не осталось, руку сдуру сунул. Боль была такая, хрен уснешь, а тут пару суток. Брехня! Хорошо, Косой подоспел и арканом меня вытащил, схряпали бы меня гаврики, косточки бы не осталось.

Однако надо что-то делать. Погоня всё ближе, затылком чувю. Мной овладело смутное беспокойство. И скобу покидать жалко, сроднился я с ней, как голубь с гнездом, не достанут меня тут сто пудов, а вдруг засаду устроят? И на этаж перебираться неохота.

На этаж — значит, наследить, запах им свой оставить, и будет ли еще такое уютное местечко, кто его знает. И тут сидеть долго не смогу, Толстый я, и этим всё сказано. Руки хоть и сильные, но бесконечно вес держать не смогут. Эх, и чего я не Муха? Он ногу в скобу мог засунуть и спать башкой вниз. Вот нервы у человека были! Там грызня внизу идет, его мясо делят, а он спит.

Нет, не буду ждать больше, надо сваливать отсюда, пока не поздно. Сменил руку, уцепился двумя пальцами правой руки, а затем подобрал правую ногу под себя, уперся в стену — и полетели-и-и. Хлоп! И я на этаже. Довольно удачно приземлился, тихо и без пыли. Обследовал этаж. Ничего интересного. Всё мало-мальски полезное сперли еще до рождения моего деда, а может, и до рождения деда моего деда. Кто его сейчас разберет? Говорят, и твари нынешние не всегда тварями были, с некоторыми из них мы вроде дружили. Бред, конечно. Взгляните на торков, они толпой ходят, не меньше трех особей. И схарчат тебя — чихнуть не успеешь, не то что здравствуй сказать или матушку их помянуть. Другие твари, говорят, такие маленькие были и безобидные, что их птицы склевать могли.

Это я удачно зашел. Этаж внезапно кончился. Задняя стена здания отсутствовала напрочь. А из правой обкрошившейся стены торчали трубы, толстые и тонкие веревки.

Веревки я с детства любил: как на них раскачаешься, как прыгнешь!.. Да и привязаться к ним всегда можно.

Так. Пока нет никого, можно обследовать местность (местность — единица ландшафта) на предмет съестного, краснеет там в углу что-то подозрительное. Кого-то не дожрали, а раз кровь красная, то для еды неопасная.

Этому с детства учат. И тут неважно, твоего врага или не врага труп, главное, чтоб он пошел на пользу желудку. Не успел я добраться до мяса, как заявили его хозяева. Оба-на!

Торки, трое, как всегда. Помянешь торка, и он тут как тут. Они, конечно, меня учуяли и двинулись вперед, стуча клешнями. А я тем временем уцепился рукой за ближайшую веревку, ведущую к крыше, и стал неспешно подниматься. Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, а от тебя, бестолковый торк, и подавно уйду. На крыше я от них, конечно, не спасусь, они и туда залезут, но есть у них одна особенность. Стоит оказаться у них за спиной — и ты в безопасности. Почему так происходит — неведомо, но торки никогда не возвращаются назад, по тому пути, по которому пришли, и редко оборачиваются. То ли зрение у них плохое, то ли нюх. Хотя, если ты надумаешь схватиться у них на глазах, не выйдет. Главное — выпасть из их поля зрения. А для этого надо хорошенько раскачаться на веревке, как я сейчас, и внезапно выпустить веревку. Опля!

Членистоногие всё еще скребут к стене, где меня видели, а передо мной выросли не очень приятные рожи. Кто такие? Почему не знаю? Но они, кажись, знают меня. Дело у них есть для Толстого. На высотку полезть надо, а, зачем надо, не говорят, ага, значит, силишек у самих нет, и не всё так просто, и засада там полная, жопой чую, и обратно поклажу тащить. Вот, значит, как? А не пошли бы вы, незнакомые морды, сами! Вот, значит, как, уважаемый Толстый только может! Еще бы! Я, конечно, не Муха, Муха с его костями вряд ли такой подъем осилил бы или осилил бы за месяц, а им позарез сейчас надо.

Надо соглашаться, так понимаю, по крайней мере накормят и проводника дадут.

А там видно будет. Даже трех проводников дадут. Одна пара бойцов от нас сразу откололась и пошла на подъем с другого конца здания.

Я со своим проводником начал приглядываться к этой стене. Внутрь ни-ни, там такая бяка, которой детей малых перед сном пугают. Неведомая и невидимая, а кто увидел, уже не расскажет.

Вот и близится долгожданный краешек крыши. Но что-то мне проводник не нравится, как в том анекдоте: не нравится — не ешь. Суетной становится, глазенки прячет. А где наши подельники (те двое), и чем в данное время занимаются, тоже непонятно, и это настораживает.

А, была не была! И вот проводник мой летит вниз, аки птица, расправив крылья, орет и гадит. Шучу, конечно, не мог я позволить, чтоб он нашумел сильно и больно ему было. Свернул я ему шею по-тихому, а потом в полет отправил. Скажем: несчастный случай, не повезло парню, сорвался. Там наверху меня двое ждут, а двое не трое, еще посмотрим, чем дело кончится.

На крыше здания меня ждал сюрприз. Крышу венчал ох-раненный шпиль. Шпилина доменатакая уж редкость, редкостью была махина, нанизанная на него, как голубь на шампур.

Н-да, до вершины шпиля шагов тридцать, и примерно посередине она и застряла. Побитая ржавчиной, как шуба молю, со следами зеленой краски и двумя подвесными пулеметами. Вертушка — вот это лакомый кусочек! Я прилег отдохнуть, подождать подельников и заодно обмозговать, как туда забраться. Через полчаса появились двое бойцов с угрюмыми рожами и языками на плечах. Отсутствию своего товарища они даже не удивились. Душевные ребята.

К этому времени я уже знал, как туда залезть, только не знал, как живым уйти, когда всю эту красоту им отдам. Нет, вы подумайте! Взять и за здорово живешь отдать оружие в руки придурков! Это всё равно, что дикому псу горло

подставить. А что мне мешает добраться до пулеметов, да завалить этих дурней, а потом свалить отсюда подобру-поздорову? Если пулеметы, конечно, не заржавели, если, конечно, смогу их открутить, если, конечно... Короче, куча сомнений, кроме одного: как туда залезть, я знаю, и я туда залезу! Поэтому сразу отверг советы товарищей насчет закидывания кошек на агрегат. Гнилой он, ненадежный. Шпиль, конечно, крут, ни стыков, ни скоб, взглядом зацепиться не за что, гладкий, как девичья коленка, но и я не пальцем делан. Как лезут по веревке? Ручками и ножками. По дереву — аналогично. А если его не обхватить? А до ближайшей ветки метров пять? А вот для этого есть веревка, перекидываешь ее с той стороны дерева, а с этой стороны берешься за два конца руками и, по мере необходимости уменьшая петлю, передвигаешься вверх. Так я и сделал. Запасную веревку прихватил с собой, и попер наверх.

Тяжек труд борцов, страшно далеки они от вершины. Придумать всегда проще, чем сделать. За полчаса я порядком выдохся и взмок, пока, наконец, уцепился руками за открытый люк и забросил измученное тело во чрево машины. В бок больно уперлась сумка с инструментами, у поясницы здорово мешала фляжка, и еще что-то колкое уткнулось в спину. Я обернулся. Э, да это не иначе как покойничек, вернее, его остов, и лежу я сейчас с ним позвоночник к позвоночнику. Рядом жизнерадостно скалится череп с выразительной дыркой во лбу, а под ногами небрежно валяется предмет, которым такие дырки делают.

Очень полезный предмет, нужный в хозяйстве. Это мы приберем, а пока пару глотков из фляжки. Предмет оказался не только невзрачен на вид, но и небоеспособен, обойма не вытаскивалась, и сам он не взводился, прикипел на смерть. Вздыхнул и, заткнув его за пояс, прикрыл рваным свитером. Надо будет навестить одноглазого Хаймовича, он в таких делах дока. Снизу подали голоса любопытные:

— Эй! Ну что там? Чу, нашел? Есть че?

Я выглянул вниз. Поистине, любопытство — одна из самых сильных эмоций, она даже придала выразительность этим скучным мордам.

— Есть, жмурик! Его, правда, давно покоцали, но можете погрызть, если хотите,— крикнул я вниз и кинул им берцовую кость.

— Придурок! Мать твою, Толстый! Полезное есть че? Ты не спи, давай пулеметы скручивай!

— Сейчас отдохну, поем и займусь. Тут быстро не упрaviшься, ржавое всё...

Не собирався я отдыхать, и поесть я мог по ходу дела. Мне нужно было время, чтобы обыскать кабину и прикарманить всё самое ценное. Они внизу это тоже понимали, но помешать мне не могли, что злило их до невозможности. Засунув за щеку кусок вяленого мяса, я полез в кабину пилота и там обнаружил еще одного покойника — в рваном пилотском кресле с характерными дырками в спинке сиденья. Дырки были и в лобовом стекле, и сбоку, и снизу, и через них задумчиво свистел ветер.

Непроглядная серая мгла на горизонте сменялась тяжелыми свинцовыми тучами. Где-то на окраине города, за последними видимыми отсюда домами, уже шел дождь. Совсем скоро здесь станет очень неуютно. Я поежился, представив, что, видимо, придется провести здесь ночь, под пронизывающим холодным ветром и дождем.

Пистолет у второго покойника оказался исправен, что радовало. Не мешало бы стрельнуть из него для проверки, но двоим внизу совсем необязательно знать о моей находке. А вот автомат, проржавевший до самого затвора, я им, пожалуй, подарю. То-то бедолаги обрадуются.

Пока прожевал кусок, посреди десантной кабины уже образовалась небольшая горка находок. Образовало ее, в основном, содержимое вещмешка, который я вытряхнул на пол. Так. Начнем делить. Вздутые консервы им, таблетки из аптечки им, ампулы из аптечки мне, сухарики мне, куртку мне, носки им, штаны мне, трусы им, бритвенные лезвия мне, коробку от них им, нож складной им, штык-нож мне, автомат ржавый им, бейсболка с дыркой им. Не обделил ли я их часом? А? Есть еще форма на скелете, дырявая, правда, вся и расползается по ниткам, ну так и быть,

им отдам. А вот планшетку с картами я, пожалуй, возьму себе. Жаль, что не разбираюсь я в них. А тут еще тетрадка какая-то. И чего тут написано?

Открыл и пробежал глазами по линиям от времени закорючкам:

«Взрыв я ощутил спиной. Такой пронзительный жар, что одежда на мне вспыхнула. Вспыхнул забор у дома, вспыхнула листва на деревьях. Живым факелом я перепрыгнул через забор и упал в лужу, грязная вода показалась мне вершиной блаженства. Потом я встал и пошел искать своих. Они должны были успеть уехать на поезде. В городе никого не было, никого, ни единого живого человека. Лишь кое-где я встречал обугленные головешки, бывшие когда-то людьми, да старые брошенные автомобили, черно коптящие горящими колесами. Пустые дома смотрели на меня оплавленными глазницами окон».

Вот это да! Да это не иначе как записки выжившего!!! Отлично! Хаймовичу подарю. Он такие вещи страсть как любит, порадуя старика. Стоп! Что-то я пропустил, что-то блестящее мелькнуло на мгновение, я ухватил это боковым зрением и тут же упустил из виду, узрев целый вещмешок. А, вот оно — армейский жетон, что болтался на позвонке скелета, и с ним в паре какая-то загогулина. Цепочка паяная, не порвешь, пришлось снимать через голову. На жетоне и хреновине какие-то то ли знаки, то ли надписи. Дед потом прочитает.

Меж тем приятели мои занервничали:

— Толстый! Ты что там, уснул?! Или обоссрался?

— Вот сейчас доберусь до пулемета и дам очередь, посмотрим, кто из нас обоссрется!

Внизу хихикнули, но как-то натужно, видимо, такая перспектива их не радовала.

Хотя сам я в свои слова уже не верил — было понятно, что дождь и время сделали свое дело, и теперь пулемет можно использовать как оружие, только уронив кому-нибудь на голову.

Но дело есть дело, болты с гайками покрутим, а привод придется обрезать, для этого у меня целая ножовка припасена с двумя сменными полотнами. Привязавшись сам

и подстраховав веревкой пулемет, принялся за работу. Не могу сказать, что дело спорилось, потому как вертолет, благодаря моему весу и стараниям, получил крен на правый борт, отчего я висел почти вниз головой, обхватив ногами станину. Гайки откручиваться не хотели, ключи гнулись, один ключ выскользнул из руки и зазвенел по бетону. Было бы даже жарко, если б не усиливающийся северный ветер. Где-то рядом громыхнуло, потом еще раз и уже ближе. Неужто старею, с тоской подумалось мне, ведь всего каких-то пять лет назад я завязал узлом две арматурины, протянувшиеся над улицей между домами, на высоте добрых пятнадцати шагов. Чтоб все знали, на что способен Толстый!

Болт шелкнул и полетел вниз, затем следующий. Внизу скучали и зябко ежились двое.

— Толстый, ты бы поспешил! Кажется, дождик начинается...

Запрыгавший мячиком по крыше болт был им ответом.

— Это вам не воробьев в поле гонять, это гораздо сложнее.

И вдруг я услышал, явственно услышал: «Достал уже этот бычара, груз донесет, и валим его на месте, сам нож в бок суну, чтоб не болтал, падла...» И еще что-то невнятное, образное: «...теплая хата, женщина и свежее, ароматное, истекающее соком жареное мясо...»

Непроизвольно сглотнул слюну и посмотрел на будущих покойничков, прохлаждающихся на крыше. Вот, значит, как! Мысли читаю! Проснулся во мне мутант, а я уж думал, что первое поколение мутантов давно сдохло и других не будет. Хаймович говорил, что уроды, рожденные после Великой войны, долго не жили и потомства после себя не оставили, потому как сами были нежизнеспособны, не то что звери, те такое потомство дали, что любо-дорого посмотреть. Сороконожка в локоть длиной, говорят, раньше с палец была.

Н-да, неожиданно это как-то... Непонятно, почему вдруг стал мысли слышать. А может, и проводника я придушил, потому что мысли его поганые услышал, только среагиро-

вал быстрее, чем понял. Да пошли они на хутор бабочек ловить! Чего это я тут горбачусь, если хавкой рассчитываться никто не собирается. Последний болт прощально пискнул и протиснулся с головой. Пулемет повис на веревке. От пришедшей в голову мысли я повеселел:

— Вот что, бродяги, а пулемет я вам, пожалуй, не отдам.

— Ты че, братан, рамсы попутал?

— Ты че, борзеешь в натуре! Да мы тебя на ремешки пустим!

— Кого кинуть собрался, лошара? Мы на Джокера работаем, он обид не прощает...

Выслушав непродолжительную тираду и подождав, пока они замолкнут, я продолжил:

— Короче, у вас такой выбор: либо я сейчас кидаю веревку, вы привязываете мне обещанную жратву и тихомирно получаете пулемет, который я спущу на той же веревке. Либо я режу веревку, и вы получаете пулемет в виде металлолома.

— Ты с кем торговаться вздумал? До места донесешь, как договаривались, а там и рассчитаемся!

— Знаю, как Джокер рассчитываться любит, — нож в бочину и да здравствует шашлык! Короче, считаю до пяти и режу веревку.

— Э, э... ты погодь! Да нет у нас с собой столько, да и ты до места донести не сможешь...

— Давайте что есть и сваливайте.

— А второй пулемет?

— А второй, скажете Джокеру, заржавел напрочь, в хлам. Поэтому и возиться не стали. Вы меня знаете, я от своего не отступлюсь. Считаю: пять... четыре...

— Подожди! Кидай конец.

Бродяги зашушукались и зашуршали в рюкзаках. Упали первые тяжелые капли дождя, ливень будет сильный, но недолгий. Прищурился и внутренним ухом услышал разговор.

— Всю хавку не давай, перебьется, подкараулим его, как спустится, и завалим. Джокеру скажем, что второй пулемет не смог Толстый свинтить, сорвался, погиб смертью храбрых. Ты запоминай, Дюбель, о чем базарю, Джокер допра-

шивать будет, чтоб слово в слово совпало, неточностей он не любит.

— Да запомню я, Штырь,— вяло отнекивался Дюбель, а в голове его отчетливо плыли образы тепла, женщины и мяса. Да он никак под кайфом, догадался я.

Дождь врезал разом, без прелюдий. Молнии прорезали небо кривой арматурой. Братки стояли, втянув головы в плечи.

— Толстый! Мать твою, тяни быстрее!

На счет пять тощий мешок был у меня. Через непродолжительное время Штырь с Дюбелем и пулеметом в обнимку скрылись за чердачной дверью.

А дождь поливал от души. Я промок до нитки, но мне было как никогда хорошо, свободно. Меня не ждала женщина, горячий очаг и сытный ужин, но была почти сухая кабина пилотов со свободным креслом, почти новый камуфляж, сухарики забытых времен и фляжка второго пилота с ароматным крепким напитком. И впереди была вся жизнь и весь мир, огромный и прекрасный. Таким, как Джокеры, Дюбели и Штыри, места в нем не было.

А мне было! И на мгновение мне показалось, что захоти я сейчас — раскроются на спине крылья, и я полечу между молний, утону в тучах и, может быть, увижу солнце, солнце, которое никто не видел после войны.

— Э-ге-гей! — заорал я в небо от избытка чувств.

«Совсем у Толстого крыша съехала»,— уловил я чью-то мысль, скорее всего Штыря, Дюбель жевал сало и о нем только и думал.

Ночь прошла тягостно и беспокойно. Ветер свистел через дыры, раскачивал утлую посудину, железо скрипело под порывами ветра, терлось о бетонный шпиль. Я метался в бреду на загаженном голубыми кресле, и мерещилась мне та темная пелена, что ходит в доме подо мной из угла в угол, незримой сетью дрейфует по комнатам, и каждый

раз после ее прохода что-то неуловимо меняется. И я си-
лился понять что, но так и не понял. Одно я знал точно,
попасть в сеть — верная смерть. Виделись мне в здании
какие-то машины, и они работали — как-то неправильно,
но работали. Ползали какие-то существа, мелкие и незна-
чительные: тараканы, мокрицы, двухвостки? Не знаю, я не
мог их разглядеть. И еще видел я, как по кабелям, откуда-то
глубоко из земли, идут синие потоки энергии к неправиль-
ным машинам. Слышал шепот Штыря с Дюбелем, а потом
видел их сны, и раздражало это невероятно, и я ворочался,
пытался найти удобную позу, а точнее, способ отключить-
ся от всего этого и уснуть. Что за наказание — чувствовать
присутствие других? Конечно, я и раньше не спал бревном,
всегда чувствовал приближение опасности, но чтоб так...
Утомительно это слишком! Коньяк поначалу вырубил меня
почти полностью, пил я в своей жизни раза три-четыре, но
вскоре хмель прошел, оставив сухость во рту и тяжелый во-
нючий запах. Умылся дождевой водой, скопившейся лужи-
цей в днище. Светало. Ветер стих.

Пора в путь. Завязав веревку хитрым узлом, спустился
на крышу. Этот узел показал мне в свое время Косой, лю-
бой вес выдержит, а как спустишься, резко дернешь, и ве-
ревка падает к твоим ногам. Просто и со вкусом, а то ведь
никаких веревок не напасешься.

Я спешил к Хаймовичу, торопился похвастаться своими
находками. Больше мне идти было не к кому. Мать пропала,
когда мне было лет десять, а отца я никогда не знал. Может, и
сгинул бы тогда вслед за матерью, если б не прибился к ватаге
таких же, как я, бедолаг. Вместе мы излазили все развалины,
вместе ходили к Хаймовичу, он уже тогда был мудр и стар, та-
скали ему свои находки, а он учил нас всему, что знал. Вместе
ставили ловушки на крыс, вместе убегали от тварей, вместе на
них нападали. Вместе ходили к проститутке.

А потом я вырос и стал Толстым. Конечно, я хотел стать
ловким и смелым, неуловимым одиноким охотником —
одним словом, Мухой, легендарным прыгуном и скалола-
зом, и верил тогда, что у Мухи были присоски на пальцах,

и именно поэтому он мог ползать по потолку. А Хаймович с усмешкой говорил, что у меня не та мутация, и что это все глупости и небывицы, не было у Мухи никаких присосок. Но я верил, истово верил в свое предназначение, что смогу, добьюсь и всё у меня получится. Может, поэтому я и откололся от своих, прыгал, тренировался, залазил в такие места и на такие вершины, где, казалось, никто до меня не был и никто, кроме меня, залезть не мог. Может, и получился из меня не слишком удачливый охотник, но как прыгуну мне нет равных в городе.

А друзья детства теперь не со мной, теперь это банда Косо-го.

По-быстрому спустившись с мутного дома и оставив подельников далеко позади, я пробирался через Рваный квартал. Это, конечно, было глупо, тут сплошь руины и в случае чего и спрятаться негде, но я торопился, тем более что зверья тут много отродясь не бывало. Его, видимо, изначально разбомбили так, что пожить тут совсем нечем. Но по мере продвижения к центру мною начало овладевать смутное беспокойство. Что-то большое и неподвижное таилось за виднеющимся впереди каменным гребнем. И оно, это что-то, было недовольно и голодно. Я сбавил ход, обдумывая, с какой стороны лучше обойти. Предательский ветер дунул мне в спину. Зверь учуял меня и перевалил через холм весь сразу.

Мама дорогая! Медведь! Я их только на картинках и видел, но узнал сразу. За какой малиной он сюда приперся? Ему что, в лесу шишек мало? Ноги мои, ноги, унесите мою попу!

Давненько я так не бегал. Хотя бегом это назвать трудно, скорее, перепрыгивание с места на место, потому как по битым камням и завалам шибко не разбежишься. В кровь разбил пальцы и пару раз подвернул ступню, казалось, косолапый уже дышит мне в спину. Впереди дом, милый дом... Такой же зачуханный, как и все остальные, но в нем есть окна, а входные двери с другой стороны. Не раздумывая и почти не касаясь подоконника, влетаю в ближайшее окно первого этажа и слышу разочарованный рык за своей

спиной. Ага, толстожопый, а тебе слабо! Косолапый обиженно скребся с той стороны стены.

Меж тем я почувствовал, как к месту действия приближаются две знакомые сущности с тяжелой ношей в виде пулемета. Блин, как вовремя-то! Вот пусть дядя Миша с ними наперегонки и побегаёт. Словно услышав мою просьбу, косолапый заспешил прочь.

И то дело. Отдышавшись, я двинулся в путь. Близилась развилка дорог, названная в народе «штаны». Вообще-то это был то ли какой-то указующий знак, то ли вывеска, но, поскольку она имела схожесть с сохнувшими на веревке штанами, то это название за ней так и закрепилось. А от штанов пару километров оставалось до цели.

* * *

Старый Хаймович жил на первом этаже наполовину обвалившегося дома.

Обвалившаяся половина надежно запечатывала вход в его квартиру, решетки на окнах защищали от проникновения посторонних. Через окно дед и общался с людьми. Пацанами мы недоумевали, как он может жить полностью замурованный? И рассказывали по ночам страшные истории о том, как вечный дед жил там еще до войны, и как дом обвалился, а дед остался навсегда замурованный там со своими родными и близкими. Вот он проголодался и съел свою бабушку, потом дочку, потом внучку. А сегодня он вылезет через решетку и съест тебя-я-я!!! Страшно, аж жуть!

Тайна так и осталась бы тайной, если б не Ящерка, пронырливый и хитрый пацан. Пронюхал он, как дед вылезает из своей берлоги через верхнюю квартиру. Ящерка скоро погиб, порвала его стая диких собак, на наших глазах порвала. Но он успел перед смертью рассказать мне и еще одному человеку про то, что узнал. А мы, поразмыслив, поклялись никому об этом не говорить. Мало ли у старого врагов? Проникнут внутрь и замочат дедулю. Хаймович ведь был нашим учителем, рассказывал про мир до войны,